

Ю. А. КАРПЕНКО (Черновцы)

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Стилистический потенциал собственных названий принято оценивать как незначительный. Исследователи, говоря о стилистической дифференциации лексики, собственные имена обычно вообще обходят молчанием, а если и упоминают об их стилистических возможностях, то ограничиваются лишь личными именами.

Действительно, личные имена людей (а также клички животных) своей эмоциональной емкостью значительно отличаются от прочих собственных имен, включая топонимические названия. Это отличие особенно ярко проявляется в том, что личные имена свободно образуют специальные эмоциональные дериваты – усеченные или, наоборот, расширенные суффиксами формы. Ср. в именах: **Александр – Саня, Саша; Олег – Олежка, Олежек**; распространено объединение этих двух типов: **Николай – Коля – Коленька** и т. д. С иной стилистической окраской оба эти типа действуют и в фамилиях, хотя они здесь представлены гораздо меньше, потому что хорошо знакомых людей по фамилии, как правило, не называют.

Топонимические же названия подобных дериватов обычно не имеют, и пары **Дубовцы – Дубовчики** и под. обозначают два разных географических объекта (характеризуя их соотношение), а не являются двумя стилистически различными именами одного объекта.

Однако и у топонимов изредка встречаются стилистически окрашенные производные, например **Питер** и **Петербург** и, с другой стороны, **Россиюшка** из **Россия**, укр. **Українонька** из **Україна**. Наличие подобных образований показывает, что стилистические возможности топонимических названий далеки от нуля. В некоторых текстах топонимы даже принадлежат к главным средствам создания определенной стилистической окраски.

Не ставя своей задачей рассмотреть сложный и очень мало изученный вопрос о стилистическом потенциале топонимических названий всесторонне, остановимся лишь на некоторых его аспектах.

В своем прямом, обычном употреблении топонимы составляют важный компонент стиля лишь там, где они употребляются в больших количествах, то есть преимущественно в географической (здесь они функционально близки к терминам) и топонимической литературе. В прочих текстах

топонимы стилистически существенны не все и не всегда: их стилистическая влияние обусловлена наличием некоего дополнительного элемента, отклонения от обычного употребления – наличием выразительной нагрузки.

Подобно некоторым словам, топонимы представляют единство плана содержания и плана выражения – значения и звучания. При этом в значении топонимов, помимо собственно топонимического значения, то есть указания на какой-либо географический объект, может присутствовать и этимологическое значение – живое восприятие носителями языка этимологических связей топонима с однокоренными словами. Последняя черта, впрочем, является факультативной, для функционирования топонимических названий она не обязательна.

Таким образом, с лингвистической точки зрения в топониме можно различать три стороны: 1) топонимическое значение, 2) этимологическое значение, 3) звучание. Каждая из этих сторон обладает способностью нести на себе упомянутую выразительную нагрузку.

Часто те или иные чувства связываются не с самим названием, а с его носителем – географическим объектом. В этом случае выразительная нагрузка ложится на топонимическое значение имени. «Москва! Как много в этом звуке Для сердца русского слилось» – в этих словах А. С. Пушкина стилистическая окраска топонима далека от нейтральной. И дело здесь не в слове **Москва**, а в том, что речь идет о столице страны, о сердце России.

Нередко стилистически окрашивается топонимическое значение названий больших, общеизвестных объектов, поскольку эти названия имеют склонность становиться в речи символами (**Москва, Ленинград, Волга, Днепр, Черное море, Куба** и т. д.). Нечто подобное может случаться и с названиями отдельных незначительных, малоизвестных географических объектов, если с ними связываются важные события, крупные новостройки, места боев и т. д. Ср. «населенный пункт Борки» в «Василии Теркине» А. Т. Твардовского или даже безымянную, с геодезическим наименованием высоту 805, красочно написанную О. Гончаром в «Знаменосцах».

Примером мастерского использования топонимического значения является стихотворение В. В. Маяковского «Евпатория». Поэт усиливает стилистическую весомость топонима, выдвигая его в рифму (**вторая ей – Евпаторией, которые – в Евпатории**), дополняя рядом обычных и необычных производных (**евпаторийскую, евпаторийцами, евпаторийки, евпаторьяки, евпаторьяне, евпаторенки, евпаторячьи, евпаторство**).

При стилистическом использовании топонимического значения само название, его происхождение, семантика – безразличны. Но так бывает далеко не всегда. Нередко стилистическим центром фразы становится именно этимологическое значение топонима. Здесь уж безразличен объект – его размеры, вес не играют никакой роли, вся суть только в названии.

Так, шуточное стихотворение К. Симонова «Сказка о городе Пропойске» построено на субъективном истолковании смысла имени **Пропойск**: «Должно быть, название это Недаром Пропойску дано, Должно быть, и зиму и лето Там пьют беспробудно вино». И еще: «Мы все до конца там допьем И город Пропойск – Протрезвенском На радость всех жен назовем».

Поскольку этимологическое значение существующих топонимов не всегда отвечает творческим задачам авторов, последние нередко употребляют вымышленные топонимические названия (это делается и по иным причинам). Таков город **Глупов** у М. Е. Салтыкова-Щедрина, город **Пищеслав** И. А. Ильфа и Е. П. Петрова и т. д. В рассказе Ю. Федьковича «Дурный гуцуляк» описывается, как один гуцул, родом не з **Дрантигузів**, а «з **Дурнолупів**», «пошив усіх парубків у славнім селі **Мудрівцях** у великі дурні». Только в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина заключена обширная вымышленная география. Придуманные топонимы могут выполнять различные стилистические функции, но чаще всего их функция сводится к сатирической или юмористической.

В редких случаях наибольшую стилистическую весомость приобретает звучание топонима. Примером может послужить фраза «город Деж, город Клуж, город Кимполунг» из известной «Трансильванской баллады» С. Гудзенко – лейтмотив этого стихотворения. Здесь неважно ни то, что, например, **Кимполунг** означает «длинное поле», ни топонимическое значение этих имен. Внимание концентрируется на звучании, на грустноватой мелодии звуков. В подобной функции топонимы не отличаются от прочих слов, подобранных в ряд по их звучанию.

В целом, таким образом, внутренние стилистические возможности топонимических названий весьма значительны.